

Wawrzyniec Popiel-Machnicki, Bartosz Osiewicz

Творчество Виктора Астафьева в польской литературной критике = Viktor Astafyev's works and Polish literary criticism

Studia Rossica Posnaniensia 40/2, 27-34

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

ТВОРЧЕСТВО ВИКТОРА АСТАФЬЕВА
В ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

VIKTOR ASTAFYEV'S WORKS
AND POLISH LITERARY CRITICISM

ВАВЖИНЕЦ ПОПЕЛЬ-МАХНИЦКИ, БАРТОШ ОСЕВИЧ

ABSTRACT. This article is devoted to the reception of Viktor Astafyev's works by Polish literary critics. The authors examined Polish critical studies starting from the 1990s. Those elements that have not been analyzed yet are used to shed light on the works of this village prose writer. At the same time, the authors underline Viktor Astafyev's religious awareness, pro-ecological way of thinking and his involvement in Russia's current problems.

Wawrzyniec Popiel-Machnicki, Bartosz Osiewicz, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska.

Имя Виктора Астафьева – выдающегося русского прозаика – ассоциируется прежде всего с деревенской прозой. Его художественное творчество отличается глубиной философского мышления и охватывает богатый спектр проблем, объединяющих культуру и традицию сибирского крестьянства, а также историю русского народа. В центре писательских поисков этого автора находится идея творческого определения этико-философских связей человека с природой, подоплекой чего является деревенская культура, отождествляемая с этическими идеями всего общества. Его литературная деятельность представляет собой своеобразный нравственный указатель. Для современного писателя человека, запутавшегося в хаосе лишенной духовных ориентиров действительности, подавляемой цивилизационно-технократическим прогрессом и разрушительным влиянием тоталитарной идеологии, художественное слово сибирского автора является стимулом для сохранения моральных ценностей. Память о национальных корнях, ее тесная связь с этическими и эстетическими опытами поколений, воспринимается Астафьевым как необходимый фактор, на который должно обратить внимание прежде всего молодое поколение россиян.

Творчество Виктора Астафьева известно также польскому читателю, который мог ознакомиться с отдельными произведениями этого

автора, благодаря работе таких переводчиков, как: Лех Енчмык, Халина Клемиńska, Эугенюш Петр Мелех, Эва Непокульчицка, Томаш Ожеховски, Ян Татар. На польском языке печатались прежде всего романы и рассказы, которые принадлежали жанру деревенской прозы. Среди них следует назвать сборники *Синие сумерки* и *Затеси*, произведения *Пастух и пастушка*, *Царь-рыба*, повести *Кража* и *Последний поклон*¹. С астафьевским взглядом на новейшую историю России, связанную с горбачевской перестройкой, поляки столкнулись, читая роман *Печальный детектив*². Однако указанные издания прозы сибирского писателя позволяют узнать лишь небольшой отрезок его литературного наследия и, одновременно, они рассчитаны на осведомленного реципиента, восхищающегося также творчеством других авторов-деревенщиков – Василия Шукшина, Валентина Распутина и Василия Белова. На восприятие в Польше произведений перечисленных художников слова – в том числе и Астафьева – лишь ограниченным кругом специалистов и поклонников их таланта повлиял и факт, что они не являются представителями, столь модной сегодня, массовой культуры, а составляют узкую группу деревенских прозаиков, которые, задумываясь над природой русского национального характера и состоянием современного им человека, предавались масштабной культурологической рефлексии.

Нельзя сказать, что польская литературоведческая русистика обошла молчанием богатое творчество Астафьева, однако идейная проблематика произведений автора *Проклятых и убитых* не подвергалась детальному анализу. В связи с этим некоторые, существенные, на наш взгляд, аспекты его мировоззрения, которые затрагивались в прозе писателя, или обходились вниманием, или приобретали несуществующий смысл.

Необходимо подчеркнуть, что информация об Астафьеве и его художественном творчестве содержится, прежде всего, в учебных пособиях по современной русской литературе, адресованных студентам-русистам, и имеет, в основном, пропедевтический характер. В этом плане особого внимания заслуживает *Historia literatury rosyjskiej 1917–1991* Габриели Порембины и Станислава Порембы. Исследователи приближают в ней биографию писателя, подчеркивая, что сложные годы, проведенные в детдоме, участие в войне, сопровождаемое лечением

¹ W. A s t a f i e w, *Szafirowy zmierzch*, przeł. H. Klemińska, Warszawa 1973; tegoż, *Znaki na korze: opowiadania*, przeł. H. Klemińska, Warszawa 1974; tegoż, *Pasterz i pasterka*, przeł. L. Jęczyk, Warszawa 1979; tegoż, *Królowa ryb: opowieści znad rzek złożone w całość*, przeł. H. Klemińska, Warszawa 1980; tegoż, *Kradzież*, przeł. E.P. Melech, Warszawa 1988; tegoż, *Ostatni pokłon*, przeł. E. Niepokólczycka, Warszawa 1990.

² W. A s t a f i e w, *Smutny kryminał; Życie przeżyć*, przeł. T. Orzechowski, J. Татар, Warszawa 1990.

тяжелых ранений, а затем физический труд, являющийся жизненным университетом, оставили яркий отпечаток на формировавшемся молодом писателе. Астафьев, создавая своего литературного героя, который, по мнению ученых, во многом автобиографичен, пытался изобразить его на фоне родного сибирского пейзажа. Из этого вытекает главная идея неразрывного союза человека с природой, который в условиях тайги обеспечивает продолжение элементарных нравственных норм. Писатель не забывает, как справедливо замечают польские литературоведы, о представителях старшего поколения, которые, поддерживая передаваемые от отца к сыну традиции, сохраняют этические ценности. Исследуя творчество Астафьева, ученые обращают тоже внимание на его отдельные произведения, в которых стараются найти тему городской цивилизации, постепенно уничтожающей настоящую русскую почву – Мать-землю. В данной связи наиболее показательным является цикл рассказов *Царь-рыба*, в которых на первый план выдвигается проблема браконьерства, расширяющего свое прямое значение и понимаемого как метафора всеохватывающего морального зла. Порембина и Поремба вычлениют в прозе Астафьева экспрессивную чувствительность, связанную с сентиментализмом, которая ярче всего заметна в *Пастухе и пастушке*. Среди важнейших произведений сибирского романиста польские критики обращаются также к *Печальному детективу*, замечая, что рядом с *Пожаром* Василия Распутина и *Плахой* Чингиза Айтматова, он отражает „историю болезни” Советского Союза, симптомы которой наиболее ярко проявились во время перестройки и гласности³.

Среди других работ, посвященных Астафьеву, нельзя не упомянуть статью Барбары Стемпчинской, в которой фокус внимания сосредоточивается на творческой биографии и натурфилософских концепциях автора *Царь-рыбы*⁴. Ученая пишет о деревенской культуре, которая для Астафьева отождествлялась с этическими идеями нации в целом. Семейная и территориальная общины обладают у писателя своего рода памятью, содержащей духовный, этический и эстетический опыт всех поколений. В связи с этим существенное место в астафьевской прозе занимает семья, от состояния которой зависит моральный и общественный порядок⁵. Рядом с ней для Астафьева очистительной силой является Сибирь, воспринимаемая им как Аркадия, которая содержит в себе неискаженную культуру, создаваемую в тече-

³ G. P o r e b i n a, S. P o r e b a, *Historia literatury rosyjskiej 1917–1991*, Katowice 1994, с. 372–374.

⁴ B. S t e m p c z y ń s k a, *Wiktor Astafiew*, [в:] *Sylwetki współczesnych pisarzy rosyjskich*, pod red. P. Fasta i L. Rożek, Katowice 1994, с. 25–36.

⁵ Там же, с. 26, 29–30.

ние тысячелетней взаимосвязанной судьбы человека с природой⁶. В конечном итоге ученая подчеркивает огромный духовный потенциал Астафьева, которого называет писателем-гуманистом.

К этому, как нам кажется, следует добавить яркое высказывание Люциана Суханека, который причисляет Астафьева к группе писателей, создающих так называемую „третью” литературу. Под этим понятием ученый подразумевает наследие тех художников слова, которые, в отличие от диссидентов, могли печататься на своей родине, но их творчество коренным образом отличалось от произведений официальных писателей, верно служивших партии и работавших в русле соцреализма⁷.

Имя Астафьева упоминается в ряде глав в книге *Historia literatury rosyjskiej XX wieku* под редакцией Анджея Дравича. Веслав Ольбрых рассматривает творчество писателя в контексте деревенской прозы. Исследователь обращает внимание на созданную автором *Последнего поклона* галерею характеров русского крестьянства⁸. Его интерес вызывает также астафьевская философия, вытекающая из народного мировоззрения и помещающая проблему ответственности человека за мир животных и растений⁹.

Изучая литературу периода перестройки, польский исследователь и переводчик Анджей Дравич уделяет внимание роману *Печальный детектив*, который, как справедливо замечает ученый, стал символом астафьевского сопротивления всеохватывающей безнадежности второй половины 80-х годов прошедшего столетия¹⁰. Дравич, анализируя также последние романы сибирского писателя, сосредоточивается на присущей им военной теме – самой неисчерпаемой в русской литературе второй половины XX века. На основании *Проклятых и убитых* Астафьева ученый пишет о новой тенденции в понимании войны писателем, который в 90-е годы дает ее трагическую панораму с картинами смерти неопытных молодых солдат, являющихся, на самом деле, пушечным мясом¹¹.

⁶ Там же, с. 31.

⁷ L. S u c h a n e k, *Świadkowie, oskarżyciele, sprzymierzeńcy i obrońcy. O postawach pisarzy rosyjskich*, [В:] *Dać świadectwo prawdzie. Portrety współczesnych pisarzy rosyjskich*, pod red. L. Suchanka, Kraków 1996, с. 59.

⁸ W. O l b r y c h, *Proza wiejska*, [В:] *Historia literatury rosyjskiej XX wieku*, pod red. A. Drawicza, Warszawa 1997, с. 448.

⁹ W. O l b r y c h, *Proza rozrachunku moralnego*, [В:] *Historia literatury rosyjskiej XX wieku*, указ. соч., с. 483.

¹⁰ A. D r a w i c z, *Pierestrojka i lata ostatnie*, [В:] *Historia literatury rosyjskiej XX wieku*, указ. соч., с. 586.

¹¹ Там же, с. 598.

Богуслав Муха, очередной польский критик, занимающийся историей русской литературы, также заинтересовался биографией Астафьева, подчеркивая ее влияние на новеллистику писателя. В этом контексте ученым упоминается *Последний поклон*, в котором в галерее русских характеров Астафьев поместил портрет своей бабушки. Рядом с ним Муха, как и другие исследователи, рассматривает аспекты сосуществования человека и природы на примере *Царь-рыбы*. Цивилизация уничтожает не только фауну и флору, но и является опасной антигуманитарной силой. Продолжение этой рефлексии содержится в романе *Печальный детектив*, в котором физическая деградация человека сопровождается потерей духовных и моральных ориентиров. Астафьев, как справедливо отмечает польский литературовед, указывает пороки советской действительности, обнаженные перестройкой, и своей целью ставит новую нравственную „перестройку” общественного сознания, опирающуюся на старообрядческое православие. Муха не обошел молчанием и последние годы творческого пути Астафьева, в которые он возвращается к военной теме. Она подробно разрабатывается в романах *Прокляты и убиты* и *Так хочется жить*, в которых содержится новый, лишенный пафоса и героизма, взгляд на Великую Отечественную войну¹².

Русская литература XX столетия вызывает интерес Катажины Дуды, которая ставит Астафьева в один ряд с Беловым, Можаяевым, Залыгиным и Распутиным – выдающимися представителями деревенской прозы. Ученая, разделяя точку зрения других, упомянутых выше, польских знатоков творчества этих авторов, пишет об общем для них страхе перед городской цивилизацией, о трагических последствиях порыва связей с традицией, о необходимости сохранить крестьянские корни, о сложном положении, в котором оказалась русская деревня после коллективизации и войны. Существенное место в прозе автора *Царь-рыбы*, по мнению Дуды, занимают также вопросы, касающиеся широкопопняемой экологии, о которой забывалось во времена насильственной индустриализации, проводимой в духе политической идеологии. Литературовед, обнаруживая у Астафьева оппозицию Восток-Запад, видит в нем современного славянофила, который воспринимает универсальные ценности как полуправды, как ложные идеи, являющиеся лишь только маской, скрывающей настоящие намерения Запада по отношению к России. Писатель, как утверждает польская ученая, ставит в своих произведениях тезис о стремлении Европы уподобить все культуры и доминировать над ними¹³.

¹² B. M u c h a, *Historia literatury rosyjskiej od początków do czasów najnowszych*, Wrocław 2002, с. 521, 548.

¹³ K. D u d a, *Literatura rosyjska XX wieku*, [В:] *Rosjoznawstwo. Wprowadzenie do studiów nad Rosją. Podręcznik akademicki*, pod red. L. Suchanka, Kraków 2004, с. 287.

Интересным и нуждающимся в подробном анализе является вопрос об автобиографическом характере прозы сибирского писателя. Для Алиции Володзько-Буткевич Астафьев является автором, творчество которого наделено фактами его собственной биографии. Внимательный читатель может заметить это как в первом томе сочинений прозаика, озаглавленном *Повести о моем современнике*, так и в очередных его произведениях, помещенных в пятнадцатитомном издании, вышедшем в 1998 году. Стоит разделить точку зрения Володзько-Буткевич, которая, обращая внимание на литературно-критическую оценку астафьевовского творчества, подчеркивает, что автор *Веселого солдата* возбуждал крайние эмоции. Бескомпромиссность Астафьева, природа бунтаря, которой он обладал, были последствием тяжелой судьбы писателя. В итоге, на страницах его прозы читатель сталкивался со строгим, неоднократно крайне пессимистическим описанием действительности. Исследовательница добавляет, что не только литературное творчество (в основном батальная проза) Астафьева вызывало недоумение. Многократно его политическое мировоззрение возмущало и националистов, и либералов. Прозаик, вступая в острую полемику со стереотипным мышлением, свой осуждающий гнев совмещал с моральными волнениями, разочарованием и, в противовес всему, с жизнеутверждающими идеями¹⁴.

В творчестве Астафьева важное место занимает роман *Прокляты и убиты*, который стал материалом для литературоведческого анализа для Ванды Супы. В ходе своих исследований польская ученая обращается к религиозной проблематике, которая является основной подоплекой сюжета произведения. В книге, вписывающейся в широкий контекст „военной прозы“, Астафьев предпринял попытку ответить на вопрос, как Россия, являясь впервые в своей истории не-христианским государством, вела отечественную войну. Писателя, как утверждает Супа, заинтересовал аспект атеизации советского общества, которое на линии фронта было вынуждено послать своих рядовых граждан, лишенных коммунистическими властями возможности верить в Бога. Автор *Проклятых и убитых* доказал, что война убедительнее и глубже мирного времени показала, что граждане СССР были более беззащитными, затерянными и слабыми, чем их предшественники в дореволюционный период. Царской армии разрешали хотя бы верить в помощь Всевышнего. Заканчивая свои наблюдения над романом, Супа убеждена в том, что Астафьев гораздо жестче оценил Советский Союз, чем Солженицын или другие антисоветские писатели¹⁵.

¹⁴ A. Wołodźko - Butkiewicz, *Od pieriestrojki do laboratoriów netliteratury. Przemiany we współczesnej prozie rosyjskiej*, Warszawa 2004, с. 70-85.

¹⁵ W. Supa, *Biblia a współczesna proza rosyjska*, Białystok 2006, с. 208-229.

Деревенская проза XX века оказалась в центре исследовательского внимания Вавжиньца Попель-Махницкого, который сосредоточивается на нравственно-религиозном аспекте творчества сибирских писателей. Для польского критика имя Астафьева, рядом с именами Шукшина и Распутина, ассоциируется с религиозной православной традицией, сокровищницей которой является тайга. Автор *Царь-рыбы* является писателем, соединяющим про-экологическое мышление с христианской моральностью человека. Этот философский синтез представляет собой основу натурфилософского мышления русского прозаика¹⁶.

Хотя некоторые аспекты жизни и творчества Виктора Астафьева частично затрагивались в трудах польских литературоведов, то о многих, существенных, на наш взгляд, вопросах, касающихся богатого творческого наследия деревенского философа из села Овсянка, написано лишь вскользь. В Польше недостает публикаций, в которых данная проблематика нашла бы свое целостное отражение. Комплексное исследование идейной проблематики прозы Астафьева и художественных особенностей его произведений, компаративное изучение его творчества на фоне широкого и интересного явления деревенской прозы, создаваемой им вместе с Шукшиным, Распутиным, Беловым и Залыгиным, а также в контексте, актуальной даже сегодня, военной литературы, остается делом будущего. Астафьев все время ждет своего польского исследователя, который внес бы существенный вклад в разработку этих проблем.

Авторы настоящей статьи не ставили своей целью детальный анализ творчества Астафьева, а пытались лишь показать отдельные, появляющиеся у писателя вопросы, которые вызвали интерес польских ученых и упоминались в их трудах по русской литературе XX столетия. В связи с этим следует сказать, что автор *Царь-рыбы* воспринимается в Польше, прежде всего, как защитник традиций и нравственных норм, хранителем которых является русское крестьянство. Не все замечают влияние деревенской духовности на мировоззрение Астафьева, духовности, под которой подразумевается в основном христианская вера. Сибирь, которая находится в центре внимания писателя, не столько связана с местом его рождения, и не ассоциируется со страданиями миллионов людей, так широко описанными в лагерной литературе, сколько является пространством, в котором свой дом нашли старообрядцы. Их вероисповедание сохранило неискаженный облик, и автор *Стародуба* был убежден, что они помогут в поисках Бога и сыграют

¹⁶ В. П о п е л ь - М а х н и ц к и, *Религиозно-нравственная проблематика в деревенской прозе XX века (В. Астафьев, В. Распутин, В. Шукшин)*, „Studia Rossica Posnaniensia” 2011, vol. XXXVI, с. 231-237.

главенствующую роль в возрождении русского общества, долгие десятилетия погруженного в тоталитарный и духовный хаос.

Астафьев последние годы своей жизни решил провести в родном сибирском селе Овсянка. Это не обозначало, что писатель пытался спрятаться от шума городской цивилизации и просочившейся в российские столицы хищнической массовой культуры Запада. Это был не побег, а поиски, поскольку главной целью прозаика было то, чтобы поклонники его творчества, навещая его, находили путь к истине. В этом контексте Астафьева неоднократно называли неославянофилом, ставя акцент на том, что он был противником окцидентализма. Ошибочным, на наш взгляд, кажется такое отношение к прозаику, поскольку он сам отрицал эти суждения в своих интервью. Замечая объединяющуюся Европу, ее общие цели, писатель мечтал о новом союзе россиян, в котором связывающим элементом будут высокие нравственные нормы, сопровождаемые религиозным возрождением.

Несмотря на то что связи Астафьева с Польшей были ограниченными – стоит лишь вспомнить боевой путь и участие в боях за польский город Жешув во время Второй мировой войны, а также совершившуюся долгие годы спустя встречу со студентами Варшавского университета, – то имя писателя заслуживает более широкого распространения в читательских кругах. Этому будут способствовать как новые переводы на польский язык остальных произведений писателя, в основном касающихся темы войны, так и критические статьи и монографии об его творчестве, позволяющие узнать глубину гуманизма этого одаренного автора.